

УДК 364.054: 930.253 (470.6) "18-19"

П. Г. Немашкалов

**СТРАНИЦЫ ЦЕРКОВНОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ СТАВРОПОЛЬСКОЙ
(КАВКАЗСКОЙ) ЕПАРХИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЕКСАНДРО-МАРИИНСКОЙ
ЕПАРХИАЛЬНОЙ БОГАДЕЛЬНИ)**

В статье впервые на основе архивного материала воссозданы история становления основных административно-хозяйственных структур, экономическая деятельность открытой на Северном Кавказе в 1897 г. для лиц духовного звания Александро-Мариинской епархиальной богадельни. Распространение богаделен в России объясняется отсутствием иных видов призрения бедных и впадших в бедность, слабым развитием

частной благотворительности, отсутствием законодательства о призрении таких лиц. К концу XIX века все богадельни государства делились на две группы: несословные и сословные. Именно эти вопросы поднимаются в статье в контексте конкретной епархии.

Ключевые слова: история РПЦ, Ставропольская (Кавказская) епархия, богадельня, благотворительность.

P. G. Nemashkalov

**CHURCH CHARITY OF THE STAVROPOL (CAUCASUS) EPARCHY
IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES (BY THE EXAMPLE
OF THE ALEXANDRO-MARIINSKY DIOCESAN ALMSHOUSES)**

With the reference to archival materials, the article reconstructs the history of formation of the main administrative structures and the economic activity the clergy of Alexander and Mary diocesan charity opened in the North Caucasus in 1897. The popularity of old age homes in Russia was due to the lack of other types of charity as regards the poor,

weak development of private charity, the lack of relevant legislation. By the end of the XIX century almshouses of the state were of two types: illegal and class. The above-mentioned aspects are viewed in the context of a particular diocese.

Key words: history of the ROC, Stavropol (Caucasian) diocese, almshouse, charity.

Сложное и противоречивое развитие Кавказской епархии нашло отражение в одном из её направлений деятельности – благотворительности. Наиболее ярким примером этой области является созданная в конце XIX в. Епархиальная богадельня, основной функцией которой должно было стать призрение вдов и сирот духовного звания Кавказской епархии. Данная проблема вписывается в историю повседневности, как ее понимают создатели НОЦ «Новая локальная история». По их мнению, история повседневности служит инструментом более объемного изучения процессов, происходивших в локальных сообществах прошлого [1, с. 113–118].

10 августа 1897 г. Епархиальное попечительство о бедных духовного звания (далее – попечительство) обратилось к благочинным с отношением о желающих поступить из заштатных, вдов и сирот духовного звания во вновь открываемую Епархиальную богадельню. Благое начинание обернулось глубоким разочарованием, когда во всей епархии не нашлось желающих. Благочинный церковью г. Ейска протоиерей Петр Овсяников в своем рапорте указал, что на предложение поступить в богадельню вдове дьякона Феодосии Беяковой 75 лет, получающей 30 руб. от попечительства, проживающей у дочери, ответом было: «Мы по миру пойдем, если у

нас нечем будет кормить мать, а не пустим её от себя в богадельню», – и в заключение в рапорте отметил: «Такой мрачный взгляд на богадельню!» [14].

Одним из первых в Богадельню поступил сын умершего псаломщика Троицкой церкви ст. Ставропольской Кубанской области, лишенный зрения на оба глаза, сирота Николай Дмитриев Мальцев (19 лет), которого 21 ноября 1897 г. доставил опекун, священник той же станицы Лазарь Попов. Однако 21 июля 1898 г. родной дед, житель слободки Григорьевской, отставной рядовой Михаил Никифоров Селезнев забрал Николая из богадельни и стал его опекуном [15].

В первый год в число призреваемых были определены и не покинули богадельни заштатный дьякон Павел Бенедиктов (85 лет, прослуживший в епархии с 1835 по 1897 г.), с женой Феклой Антоновой, проживавшие ранее в приходе Николаевской церкви села Белой-Глины [16]. Потом приняли двух круглых сирот умершего псаломщика ст. Ставропольской Михаила Колесникова – Александру и Анну, поскольку они вообще не имели родственников и проживали: Александра – у священника ст. Славянской Николая Зорина, а младшая Анна – в ст. Платнировской у его зятя, человека очень бедного.

В это же время Попечительство ответило первым отказом на просьбу о признании дьяконского сына Александра Прозорова, проживающего у брата своего – священника Иоанна Прозорова в ст. Медведовской Кубанской области, указав, что он 34 лет и здоров, поэтому сам может себя прокормить [17]. Отказ получали лица, которым пребывание в богадельне попечительство не могло обеспечить полноту ухода. Так, например, в 1913 г. обратилась жена дьяконо-псаломщика с. Новоселицкого Ставропольской губернии Екатерина Соловьева и, представив медицинское свидетельство, просила принять мужа Николая Соловьева в богадельню (по заключению врача, тот страдал общим расстройством нервной системы в тяжелой форме и начинающимся циррозом печени, на что нужна специально приспособленная водолечебница) [13]. Поскольку такого вида ухода богадельня обеспечить не могла, то просительнице последовал отказ. Во всех иных случаях попечительство старалось обеспечить полноценное содержа-

ние, а если такового не могла предоставить богадельня, призреваемые определялись в специализированные учреждения, и несло все сопутствующие расходы [11]. По прошению дочери умершего протоиерея Федора Никифоровича Поспелова, монахини Евгении Поспеловой, 29 июня 1909 г. приняли сестру её, вдову священника Марию Федорову Бовшик, однако 17 июля её стали считать выбывшей, поскольку два раза тайно уходила из богадельни [6].

Призреваемые дети служили предметом особой заботы попечительства, для них делалось все возможное, чтобы скрасить их сиротство. Дети школьного возраста обучались в школах, далее записывались в духовно-учебные заведения, при недостаточной успеваемости для них нанимали репетиторов, при лишении за неуспеваемость казенного содержания, они воспитывались за счет богадельни. По резолюции его преосвященства в 1909 г. принята дочь псаломщика Пицхлаурова, которой для подготовки к поступлению в Епархиальное училище специально была нанята учительница с платой в 10 руб. в месяц. Содержащийся в богадельне сын умершего псаломщика Иван Синанов попечительством для обучения помещен в Новогригорьевскую второклассную школу, его содержание в 1909 г. составило 65 руб. в год [5].

Прилагая большие усилия и средства к исправлению поступавших детей, не всегда добивались положительных результатов. Так, в 1913 г. в богадельню поступили дети заштатного трижды судимого псаломщика Вячеслава Незлобина, для ухода за которыми была нанята особая прислуга [13]. В своей резолюции к Попечительству попечитель богадельни протоиерей Александр Яковенков указал, что «призреваемые мальчики Незлобинские не проявляют желания к обучению, кроме младшего Федора, условно терпим второй Вячеслав, старший Василий оказался негодным по испорченному нраву и лени к учению и воспитанию. Склонен к воровству и драчлив, что делает невозможным его пребывание в школе и богадельни. Из класса учителем временно удален и предлагается его совершенно изгнать из училища. Из выдаваемых вещей все превращается в лохмотья. Отец их в целях добычи денег чуть не силой уводит из богадельни, несмотря на протесты надзирательницы, и просит

подавание по городу. Два младших прячутся от него, а старший и девочка Серафима (3,5 лет) идут с ним, один за табак, другая за конфеты. Старший угрожал камнем разбить голову надзирательнице». После долгого разбирательства и поиска возможностей перевоспитания принудили их отца написать прошение в попечительство, в котором он просит определить его старшего сына в колонию малолетних преступников (Кубанский исправительный приют), расходы по его содержанию в приюте в размере 120 руб. в год взяло на себя Попечительство [10].

С самого создания Богадельни её деятельностью заведовал о. попечитель протоиерей Александр Яковенков, финансовую часть контролировал о. казначей Попечительства протоиерей Иоанн Архангельский. Журналом Попечительства от 10 июля 1898 г. постановлено давать попечителю богадельни ежемесячно авансом на мелочные расходы 50 руб., при полном комплекте призреваемых – 100 руб. В штате богадельни значились: надзирательница, учительница (в отчетах иногда отсутствует. – *авт.*), доктор (который двукратно в неделю наведывался к больным, а иногда и чаще), кучер-дворник, служитель при больном (в ведомостях иногда отсутствует. – *авт.*), кухарка и комнатная, с конца 1905 г. появляется должность сторожа сада и служителя-истопника с жалованием. Содержание штата обходилось от 60 руб. до 70 руб. в месяц [4].

Источником денежных поступлений в пользу богадельни являлись:

- 1) 2 % отчисления с чистой свечной прибыли и кружечно-кошелевых сумм от церквей епархии (отменен съездом о.о. депутатов епархии в 1903 г.);
- 2) 1 % отчисление свечного Ставропольского епархиального завода с прибыли;
- 3) от аренды богадельнического сада;
- 4) проценты от капиталов богадельни.

Призреваемые пользовались всеми возможными удобствами: здесь были светлые комнаты, всегда поддерживалась чистота и опрятность помещений, стол (обед и ужин) из двух блюд, а по праздникам и воскресеньям – из трех, утром и вечером доставляли чай с белым хлебом. Основные товары богадельня приобретала в лавке Романова на суммы от 20 до 50 руб. ежемесячно. Иногда за удовлетворением текущих бытовых

потребностей обращались в магазин Филимонова. Мясные продукты поставлялись на сумму до 150 руб. из лавки Строганова или Шальнева [4].

Число призреваемых и их содержание зависело от находящегося в ней контингента и, как следствие, от необходимых расходов на его содержание. Так, всех призреваемых за 1903 г. было 18 душ, 1904 г. – 20, 1905 г. – 20, и в 1906 г. – 20. Содержание одного призреваемого в год с пищей, одеждою, медицинским присмотром, книгами, письменными принадлежностями составляло: в 1903 г. – 51,04 руб., в 1904 г. – 56,37 руб., в 1905 г. – 64,64 руб.; а с содержанием сада, дома, служащих: в 1903 г. – 188,45 руб., в 1904 г. – 169,66 руб., в 1905 г. – 142,99 руб. В среднем содержание за три года в первом случае составило 57,35 руб., а во втором – 167,03 руб. [7].

Текущий и капитальный ремонт помещений осуществлял подрядчик Петр Соболев. В 1909 г. исправили 5 печей, кухонный очаг, печь в бане – на все потрачено 102,80 руб. [6]. В 1911 г. попечительство выделило 1 200 руб. на перестройку бани в богадельни. Однако этих средств не хватило, поскольку в проекте не учли контингента, и потребовалась перекладка пола, что увеличило смету на 346,37 руб. [7].

Что касается капиталов богадельни, то их учет и ведение отчетности Ставропольским епархиальным съездом в 1906 г. признавалось образцовым. К 1 января 1903 г. состояло билетами 102 100 руб., к 1 апреля 1906 г. – 120 100 руб. и наличными 932,88 руб.; деньги эти хранились с попечительскими в одном сундуке в Ставропольском губернском казначействе [6]. С билетов государственного вклада 4 и 2 % поступал стабильный ежемесячный доход. Правление свечного завода передавало в попечительство 1 % отчислений от прибыли, которая, например, за 1904 г. составила 1 262,47 руб. [7, л. 6], а за 1913 г. – 1 854,78 руб. [9]. Данные средства шли на покрытие расходов Попечительства по делам богадельни, но если средств было недостаточно, тогда Попечительство компенсировало разницу. Однако возникали случаи, когда собственных средств богадельни скапливалась приличная сумма, а расходов не предвиделось, то приобретали 4 % банковских свидетельств о вкладах. В 1911 г. капитал, заключающийся только в процентных бумагах, составлял сумму в

128 921,58 руб., при этом сумма Попечительства по билетам составляла 156 858 руб., а сиротских капиталов – 48 400 руб. [8]. Концентрация такого количества средств привела к тому, что Епархиальным съездом в 1916 г. было принято решение «для временного усиления оборотных средств епархиального свечного завода взаимнообразно передать заводу помещенные в процентных бумагах капиталы Епархиальной богадельни в сумме 100 000 руб.» [12, л. 3], таким образом, средства богадельни были переданы в Епархиальный свечной завод на его развитие.

Живописной особенностью Епархиальной богадельни являлся фруктовый сад, пожертвованный Попечительству вдовой генерала Попондопуло накануне открытия богадельни. Сад являлся одновременно и местом отдыха призреваемых, и реальным подспорьем в ведении хозяйства, поскольку, помимо фруктов, от его аренды получали стабильную ежегодную прибыль до 90 руб. в год.

30 апреля 1901 г. Попечительство предложило причту Варваринской церкви г. Ставрополя принять на себя отправление всех богослужений и треб в Епархиальной богадельне с вознаграждением 120 руб. в год. На что причт дал согласие, и службы начались с 1 июня [2]. Необходимость домового храма для призреваемых ощущалась с каждым годом острее, и поэтому она была помещена в одну из комнат богадельни. Осветили её 17 февраля 1905 года, иконостас был установлен при помощи настоятеля Михайловской Закубанской пустыни архимандрита Мартирия. Стоимость его составляла более 1500 руб., без помощи архимандрита не скоро бы богадельня обзавелась собственной домовою церковью, при которой по воскресным и праздничным дням совершались литургии. Имелась также небольшая библиотека, откуда призреваемые пользовались книгами для келейного чтения [7].

Нужно отметить, что Попечительство очень строго следило за тем, чтобы в число призреваемых лиц попадали только лица духовного звания, и на этом основании всегда отказывало тем, кто к их числу не относился. Конечно, исключения всегда есть даже в самом строгом правиле, таковым в деятельности Попечительства стала война с Японией и Первая мировая война. Вопрос о принятии в богадельню детей офицеров и низших чинов, умерших в войну с Японией, перед Попечительством поднял о. попечитель протоиерей Александр Яковенков. На это Попечительство 14 марта 1905 г. ответило, что подобные вопросы оно решать ограничено съездом о.о. депутатов духовенства и уставом, но Попечительство на съезде вынесет рассмотрение этого вопроса, о принятии хотя бы небольшого количества сирот. Однако этот вопрос так и остался нерешенным [4]. Ситуация изменилась в 1915–1916 гг., когда на попечении богадельни постоянно находились (вместе с прислугой) 23–28 душ и 22–33 беженцев, а на содержание которых тратилось до 520 руб. в месяц [11].

Богадельня, действовавшая в структуре Попечительства, никогда не могла самостоятельно принимать решения и зависела не только от Попечительства, но и от съезда о.о. депутатов Епархии. История показывает сложности взаимодействия самой церкви в области призрения лиц духовного звания, корпоративность и крайнюю замкнутость структуры. Эта форма оказания помощи характеризуется строгой адресностью и всесторонней оценкой личности, претендующей на её получение. Другой формой оказания помощи было всесословное направление, которое являлось продолжением церковной благотворительности, что, несомненно, вело к повышению авторитета не только епархии, но и всей Русской православной церкви на Северном Кавказе.

Источники и литература

1. Булыгина Т. А. История повседневности и «новая локальная история»: исследовательское поле и исследовательский инструмент// Новая локальная история: по следам Интернет-конференций. 2007–2011. Ставрополь: СКФУ, 2014. 344 с.
2. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 361. Оп. 2. Д. 108.
3. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 177.
4. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 195.
5. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 233.
6. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 234.
7. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 241.

8. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 245.
9. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 267.
10. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 268.
11. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 273.
12. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 278.
13. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 292.
14. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 58.
15. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 65.
16. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 66.
17. ГАСК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 76.

References

1. Bulygina T. A. Istoriya povsednevnosti i «novaya lokal'naya istoriya»: issledovatel'skoe pole i issledovatel'skii instrument (*The history of everyday life and the «new local history»: the research field and research tool*) // Novaya lokal'naya istoriya: po sledam Internet-konferentsii. 2007–2011 (*New local history: in the wake of the Internet conferences. 2007–2011*). Stavropol': NCFU, 2014. 344 p. (In Russian).
2. State Archive of the Stavropol Territory (GASK). F. 361. Inv. 2. D. 108. (In Russian).
3. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 177. (In Russian).
4. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 195. (In Russian).
5. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 233. (In Russian).
6. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 234. (In Russian).
7. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 241. (In Russian).
8. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 245. (In Russian).
9. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 267. (In Russian).
10. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 268. (In Russian).
11. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 273. (In Russian).
12. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 278. (In Russian).
13. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 292. (In Russian).
14. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 58. (In Russian).
15. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 65. (In Russian).
16. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 66. (In Russian).
17. GASK. F. 361. Inv. 2. D. 76. (In Russian).